

A photograph of a misty forest floor. Large, flat rocks are covered in green moss. A dirt path leads into the distance between trees. The scene is foggy and atmospheric.

Татьяна
Мудрая

ПОЛЫННАЯ
ЗВЕЗДА

советов насчёт того, как сварить кисель из ежевики, мёда и **картофельного крахмала**. Картофель Валентина обещала подкопать, протереть на тёрке и вымочить, благо он уродился крупный и в великом изобилии. Как я понял не далее чем на следующее утро, это были некие видоизмененные корни или наросты на корнях. С определением батата и прочей лично моей флоры затруднений у меня не наблюдалось.

В обмен на мешочек с белым порошком, скрипящим, будто молодой снег, я отдал ей почти всю чёрную ягоду, не видя для себя прока ни в первом, ни во втором.

И был тотчас приглашён в гости.

Резная калитка со щеколдой там, где у меня наполовину открытая дверца в низкой стене, разобрать которую не стоит особого труда. Женщина, что ещё о ней сказать...

Похожая на невысокий курган клумба, посередине которой, увитая диким или одичавшим виноградом, возвышается сосенка.

– Отец был архитектор и сам спланировал этот дом, – говорит Валентина. – На опушке соснового бора. Хотел создать родовое гнездо. Я, его первенец, была слаба лёгкими, вот мою кроватку и выносили каждый день, ставили посреди поляны, чтобы мне смолой дышать. От одного того и выжила.

В самом деле, сосны, ели и березы образовали острова внутри лесного материка и оттеснили прежних красавцев:

лишь один роняет тяжкие лакированные плоды, накрытые чешуйчатой шапочкой, к своему подножию. Удивительно – каждое из новых деревьев по-прежнему отстоит от других, сохраняет свободные и горделивые очертания: пышную крону, коренастый ствол, – будто возвышается на равнине. И чётко соблюдает дистанцию.

Внутри дома Валентины, начиная с самого порога, гуляют сквозняки, высокая, выложенная кафелем печь ни капли не греет. Снова я получаю фрагмент семейной легенды – о том, что подрядчик, неверный ученик, отчего-то невзлюбивший отца, оставил хитрые потайные щели, в которые уходил, завихряясь, нагретый воздух. Оттого здесь невозможно проводить зиму – только разгар весны, самое начало осени и лето.

– И ладно, – говорит мне хозяйка. – Здесь оно вечное – лето, хотя больше похоже на осень.

В комнатах с высокими, будто крышка разрисованного ларца, потолками – склад мебели. «Ломберный» столик для азартных игр, в утробе которого грохочут кости и шелестят клочки пергамена, буфет чёрного дерева, что простирается от стены до стены, и весь в выпуклой резьбе, многоэтажный «шкап» с четырьмя створками посередине, кушетка – на ней спят или только размещают шлейф парадного платья? Разнообразнейшие стулья и кресла, при виде которых я спохватываюсь, что у меня самого, помимо круглых подушек, лишь одно «курульное» сиденье, и то никак не переместишь с места на место. Просить себе одно из здешних, хотя Валентина

ими явно тяготится, нельзя, это я отчего-то знаю твёрдо.

Хозяйкина постель не заправлена и носит следы долгого пребывания, заплёванная «цинковая» детская ванночка выставлена на веранду, что отличается от моей лишь изобильным плетением лоз, обеденный стол крыт чем-то скользким и липким, в мелкий цветочек. **Клеёнка.** Такая же постлана на обоих шатких четырехногих табуретах, куда мы садимся, чтобы выпить по чашке горьковатого травяного настоя и улицезреть сундучок резного хрусталя с миниатюрным замочком, внутри которого вечно томятся осколки сахарной головы.

А вприкуску к этому чаю и неважно очищенному сахару я получаю кисло-сладкую историю жизни.

Они поженились по взаимной любви, как было тогда принято, и родили четверых детей: красавцы в отца, певучие в мать. Было бы и пять, но самый лучший попал под колёса, У матери не было ни глаз, чтобы за ним присмотреть, ни свободных рук, чтобы удержать: на Плющихе было очень бойкое движение. Они там жили до войны и удержали квартиру, когда мужа призывали на фронт. Хотя, конечно, в осажденной Москве было голодно и нечем топить.

Я не понял, почему она говорила обо всем этом с такой трагической интонацией: разве не обычная участь ребенка в многодетной семье – подвергаться риску? И разве не дело мужчины – воевать и гибнуть?

Но самое главное, что было непонятно: почему Валентина говорила так, будто оставалась одна на земле.

– Семья была большая, всех разбросало, – вздохнула она. – И знакомых тоже. Соседка помогала, чем могла. Квартира была огромная – почти такая, как этот холодный дом. Коммунальная. И хорошо, что семья большая, две дочки и два сына. Не отняли и не уплотнили эвакуированными. И пищевые карточки, продуктовые талоны давали на всех четверых детей, иначе бы семье не выжить.

Огромный город, находящийся в осаде. Я понимал, что людей в нем приходится кормить, но когда я представил в этой роли нарезанную полосками бумагу, что-то во мне запротестовало.

Они выдержали – это было счастье. Муж вернулся после войны – это было второй удачей. Хотя без ноги, на протезе – деревянная или кожаная подпорка? И с трофейным стеклянным глазом, который удивлённо таращился, приподнимая бровь.

– Что значит трофей? Он вынул его из глазницы убитого им противника? – спросил я.

Оказалось, что нет. Такое делалось их верховным королем и его приближенными, а потом раздавалось тем из воинов, кто не умел ничего захватить сам. Хотя многие обогащались весьма умело, причем как раз такие, кто сам не бывал в боях. И их семьи – уже в мирное время.

Уразуметь порядок и последовательность действий я ни-

как не мог. Обирать трупы перед тем, как закопать их поглубже, – в этом есть логика. Лишь самых уважаемых воинов врага следует препровождать в иное царство со всей возможной торжественностью.

– Они ведь все были преступники, – ответила Валентина. – Фашисты, наци.

Я не посмел спорить. Надеюсь, что такое осуждение повергнутого в прах врага – признак большей цивилизованности победителей.

Разумеется, муж проводил своё время в кабаках и у добровольных шлюх, пока жена по заведенному издавна порядку тянула на себе хозяйство. Красота Валентины увяла ещё раньше, чем у моих милых названных родителей из простонародья, голос она потеряла, но не получила взамен никакой любви. Меня удивило, до чего легко она вспоминает жизненные передрыги, – счастливая натура!

Под кровом их многоэтажной инсулы постоянно собиралась родня и приятели взрослеющих детей. После войны такая роскошь, как потолки в два человеческих роста и толстые кирпичные стены, весьма ценилась, и семейство легко разменяло свой золотой червонец на пригоршню медных пятак.

– Двухшек и трёхшек, – поправила женщина мою реплику. – Квартир в новых домах, не очень крепких. Вся моя молодежь пережилась и завела потомство, которое раз в году захлёстывало старый загородный дом, словно бурливая речка.

В один из таких теплых июней у калитки нашли беспородного щенка: получился прекрасный сторож, голосистый и малость блудливый. В город его не было нужды брать – приезжали, оставляли еды на неделю. Бродил он вольно, забирали во дворе его только летом, чтобы сберегал привозное хозяйское добро.

С мужем они в ту пору расчётливо развелись – оба считались ветеранами, кто войны, кто труда в осажденном городе, а он в придачу был инвалидом. Калеккой благодаря войне, перевел я для себя. Это давало две крошечных конуры вместо одной, немного большей. Внуки подрастали, квартирный вопрос становился всё более напряженным, но это была жизнь.

А вот выпуклость подмышкой, чуть болезненная, – это была смерть. Долгая, нудная, с агонией по меньшей мере трехгодичной, с операциями и процедурами, которые сделали грудь плоской, как доска, а волосы – седыми и редкими. Со множественными метастазами, один из которых выдавил из черепа глаз, симметричный воровскому хрустальному оку супруга.

Око за око. Было ли это справедливым? Не могу судить. – Но теперь всё хорошо, – улыбается Валентина. – Всё вокруг такое, как я любила и помнила с детства. И вдобавок ещё покой.

Она предлагает мне пенки и свежее варенье из глиняного горшочка: сварила в тазу на плите, вмурованной в печку. Очень приторное: здесь можно не жалеть ни сахара, ни

иных продуктов, которые самозарождаются в маститом буфете. Если бы не то, что Валентина любит готовить, ей бы и хлопот не было.

А еще она всегда любила держать дом в порядке. Вода в колонке мягкая, стирает почти без мыла, источник которого – всё тот же буфет. Мыло хорошее, детское, чуть подвывает, потому что без духов. Жалко, что в доме нет электричества, говорит она. Я уже знаю, что электричество – это те искры, что образуются на поверхности моих меховых покрывал и покалывают мне пальцы. Их полагается заточать внутрь длинных проволок из меди или серебра, тогда они становятся способны приносить пользу. Например, заставляя холодильный шкаф вырабатывать внутри себя зиму – мне все уши продули разговором о «сладком льде» и «сладком снеге» – то были два вида съедобного **мороженого**. Или раскалять утюги для глажения стиранных вещей. Однако тяжелые чугунные сооружения, внутри одного из которых есть место для раскалённых угольков, справляются с работой еще и лучше современных Валентине: надо только постоянно менять их очередность на конфорке плиты. Бельё от них слегка припахивает палёным, но это создает особый уют.

Хорошо, тем не менее, что мои рубахи, туники и широкие безрукавные плащи обходятся без этой процедуры – прополоскав их в горячей воде со щёлоком, я попросту даю им отвисеться на перилах крыльца. Одна история жизни не должна соприкасаться с другой.

Как-то, выходя из своего двора наружу, я заметил ещё одну перемену. Тротуар замощен старинным **клинкерным** кирпичом, в щелях вырос мох, а под калиткой вырыто неглубокое углубление.

– Для Тишки, – с грустной улыбкой объясняет хозяйка. – Вот никого не жду, дети – отрезанный ломоть, мой Николай вообще здешних мест не любил. А без собаки непривычно как-то. Он ведь всю жизнь подкопы любил устраивать. Однажды ушёл и не вернулся: мы даже его встречали не один раз – только огрызнулся. Нашёл другую стаю, наверное, ту, с которой без нас гулял. А потом и вовсе исчез. Пропал без вести.

Тихон был очень хорошенький: белый, кучерявый, с войлочными кисточками на ушах и заострённым на конце хвостом. Старый друг семьи, художник, говорил, что это метис бедлингтон-терьера. Сам же бедлингтон – хорошая охотничья порода, которую превратили в декоративную.

Название Валентина произнесла без малейшей запинки, причём дважды.

– Вот как? – спросил я. – В моё время таких не было.

И, разумеется, меня тотчас потащили глядеть на его портрет: наверх, по крутой лестничке, в мансарду живописца.

Простая мебель: диван с высокой спинкой и двумя валиками, кресло, набитое жёсткой морской травой, незастеклённая полка с книгами, стоящими в один ряд. Из творений ма-

стера осталось только два небольших **полотна** (в те времена малевали на туго натянутом холсте). Портрет пса в полный рост был повешен напротив необычной по замыслу картины, где нагая хозяйка была изображена в виде трёх фигур, практически неотличимых друг от друга. Одна из них, повернутая к нам спиной – виден был изящный профиль – держала в руках мяч, готовясь послать его другой ипостаси, мягко сжимающей кулаки на уровне бёдер. Чувствовалось, что сил, чтобы взять и удержать подачу, у нее нет. Третья девушка опрокинулась на траву и с ленцой перекатывала мяч ступнями: другой или то же самый? Застывшая, сновиденческая, непонятная сцена посреди чахлой растительности: ни день, ни ночь, ни рознь, ни единство.

– Мы ему отдельную печку наладили, – объясняла Валентина, – чтобы краски лучше просыхали. Здесь ведь общий дымоход, только один из каналов засорился. Прочистили и открыли для пользования.

Нужно ли говорить, что я стал куда чаще прежнего навещать к ней – не столько ради бесед, сколько ради того, чтобы проникнуть на обратную сторону тройного зеркала, изображающего юность Валентины?

Другая цель, гораздо более интимная, казалась недостижима.

Трудно выяснить, за что попала в ад женщина, которая мыслит себя в раю.

Я всё чаще выхожу за пределы и погружаюсь в лес.

Никогда особо не любил бесцельных прогулок. Замшелая, изъеденная паршой липа под окном моей детской спальни, что теряет сучья с каждым порывом шквального ветра, но летом одевается в золотистую вуаль, как невеста, – вот всё, что мне было искони потребно от природы. Когда меня, ба-старда, взяли во дворец старой королевы, а потом надолго увезли с родных островов, это старое дерево невидимо для прочих путешествовало вместе со мной, пускало корни в любую почву, даже насквозь оцепеневшую от мороза. От первого же, чуть знобкого прикосновения тепла его почки набухали юным листом, а навстречу солнечным лучам выпускали из себя источающие мёд цветочные гроздья.

Но в этом ручном лесу лип не видно.

Однажды утром (оно здесь довольно условное, что никак не мешает спать) я поздоровался с соседкой, дал слово, что через час-другой забегу за **шаньгами**. Это какой-то особый вид пирожков, ради которых она мысленно заказала и получила в неиссякаемом буфете килограмм муки, пачку винных дрожжей и колобок свежего масла. В начинку была пущена картошка: этот плод земли был вездесущ и воистину неис-ребим, как и грибы, которые даже сажать не требовалось – сами вырастали под ручными берёзками.

И только потом я обратил внимание на одну из сторон ограды.

Из неё на вершок в вышину торчали копыя, отстоящие друг от друга на добрую ладонь. Другие стороны ограды были совершенно такими же. Отвлекаясь, скажу, что булыжники были скреплены раствором, а острия копий, в отличие от турнирных, заточены, но это я выяснил позже. Внутри строгого четырехугольника высился небольшой замок с башней – несмотря на некоторую хмурость, слегка игрушечного вида. Деревья, которые его окружали, были коротко подстрижены, очевидно, чтобы в будущем заставить их ветвиться; трава казалась ровной и яркой до ненатуральности; края по всей видимости пересохшего рва соединяли нити мостов. Но не всё это меня удивило, – лишь шатёр, что был растянут не веревках между замком и оградой. Из плотного, туго натянутого между столбами шёлка, цветом сходного с экзотическим солнечным плодом, какие выращивались за стеклом во времена, много лучшие нынешних. Навершие центрального столба увенчано графской короной, одна из пол на входе откинута: во время дождя вода могла бы залить дорогой темно-красный ковёр с небольшими медальонами в форме овала, но в здешнем мире природа не склонна к буйству. Ближе к утру нисходит с неба и оседает на траве и кустах подобие крупной росы – но и только. Беззаконное благословение...

Он выкуклился из шатра, прошёл параллельно ограде, как бы совсем меня не замечая, и стал напротив. Почти с меня ростом или чуть выше, но так же тонок в кости; движения танцора, профиль греческого эфеба, в гладкой черноте рас-

пущенных по плечам волос не видно моей рыжины, перламутровая гладкость кожи не чета моей обветренной бледной немочи. Отчего я гляжусь в этого юнца точно в зеркало? Оттого лишь, что он по виду годится мне в сыновья, или потому, что в этом аду нет зеркал помимо наших скрещённых взоров?

И помимо картин, говорю я себе, и картин. По крайней мере, одной.

– Как твоё прозвище? – говорю, стараясь не повернуть головы и – уж не приведи никто и никому – встретиться с ним глазами. Так он легко может игнорировать мои слова.

– По большей части его звали «Эуген», – поверяет он холодному, влажному воздуху.

Одет он ещё более странно, чем Валентина. Чёрный плащ с узкими рукавами застёгнут на какие-то резные бляшки и к тому же облегает тело до середины бёдер туго, как перчатка, затем распускаясь книзу складками, почти достигающими колен. Сами перчатки, необыкновенно тонкие, смотрятся второй кожей. Штаны облегают ноги наподобие трико гимнаста – да он и есть гимнаст, меня ведь сравнивали с ним... с гимнастом, танцовщиком, иногда – укротителем быка. Сапоги из мягкой кожи с кисточками доходят до середины икр, и сбоку одного – почему не спереди обоих? Сбоку болтается чёрный с золотом темляк короткого клинка.

– Ты в самом деле при оружии, Эуген? Похвальная скромность и необходимая предосторожность. Никому не стоит

ходить в этих местах **ГОЛЫМ**.

Потому что лишь по его желанию возведена такая изгородь – без входа и без единой щели в ней. А слово «голый» в тех высоких сферах, откуда я насильственно выпал в здешнее девятикружье, означало безоружного.

Ресницы на полузакрытых глазах до половины щеки, налёт пудры точно венецианская маска, волосы безупречны, как парик. Он не понял иронии или не снизошёл до нее?

– Этот стилет – лишь для крови самого Эугена. Лишнее – покушаться на его наготу.

– Он чист?

Мой вопрос слишком прям и откровенен. Но, может быть, так и надо. Сюда по определению не попадают без вины, хотя с какой стати мне о ней допытываться?

Мои слова двусмысленны благодаря своей краткости. Это должно сработать даже в том случае, если наш *poli me tangere*, наш недотрога и возможный самоубийца не соблаговолит на них ответить. Судя по его репликам, в игре слов он мастак.

– Довольно того, что видят чистоту его ножен.

Тут Валентина, которая как раз испекла первую партию своего картофельно-грибного лакомства, подтащила к забору объёмистую миску, накрытую пахучим тряпьем, и обнаружила сомнительное воплощение популярной теоремы. Иначе говоря, то, что три условных квадрата наших земельных владений смыкаются в один тупой угол и через это обстоя-

тельство можно угостить как меня, так и новопоселенца.

– Вот, Моргаут, держите. Только вот решётка тесная, да и сама я робею угостить девочку. Может быть, вы...

Всплеск ресниц, пронизывающее сияние двойных-дневных небес.

– Спокойно, Евгений. В её время так наряжалась и убирала волосы добрая половина юных женщин. Мешковатость и неряшливость тогда считались приметой сильного пола.

Улыбка, что крадучись наползает на угол тонкогубого рта и приподнимает его, похожа на знакомый разрыв в облачном мареве.

И я внезапно выпаливаю прямо в эту улыбку и глаза:

– Не думай, что здесь можно хоть кому на тебя покуситься. Или чему. Ткнёшь себя своим шильцем – мигом затянет рану, будешь голодом морить – понапрасну потеряешь всю красу. Дай лучше я тебе пироги по штучке просовывать буду. Тарелка найдется?

За тарелкой идти далеко. Он послушно ест у меня из рук...

Несостоявшийся самоубийца. Пленник собственного целомудрия. Или я ошибаюсь?

Это он притащил за собою замок. Гораздо более впечатляющий, чем кажется с первого взгляда: башен теперь не одна, а все четыре, двойное ограждение из гранитных глыб, наружная стена чуть пониже, внутренняя, с зубцами, – повы-

ше. Обе они соединяются парапетом, по которому легко разгуливать, слушая пение ветра. Внутри, в безопасном отдалении от стен, находится главное здание со свинцовой крышей, похожей на драконий хребет. Ничего подобного при своей жизни я не застал и не могу судить, насколько это отвечало требованиям фортификации.

Зачем это показное величие, если сам Эуген спит вне стен, хотя и за оградой?

Спрашивать вот так, с ходу, после первого кормления, было неуместно. Пришлось начать издали – вернее, последовать естественному течению событий.

– Тебе идёт быть опрятным, – сказал я однажды. – Есть смена одежды? Валентина очень ловка стирать, не только готовить.

Эуген сначала потряс головой, потом кивнул и принял сверток моей одежды – не такой изысканной и куда более плотной, так что я еле протолкнул всё это в щель. Кажется, родник там у него был – где-то на задах. Так это у него и осталось: я заявил, что у меня одежды столько, сколько я захочу, и после этого он как-то сам сообразил, как и чем сумеет разжиться.

Потом настал черёд посуды – передавать миски, блюда и кубки оказалось легко и не сподвигло его на изобретательность. Затем – мебели. Не так уже приятно человеку с континента сидеть на толстых подушках и ложиться на жёсткий пол, как восточному варвару.

– Мы бы тебе всё что надо передали, – сказал я, – если бы ты **открыл** проход в ограде. Не перекидывать же дорогую мебель через острые копыя.

Не уверен, что Эуген оценил двусмысленность в своём духе: то ли дверь в стене была замаскирована, то ли он из неведомого мне страха не сотворил её сразу. Во всяком случае, когда я через некоторое время подошел к месту, где сходились три стены, обнаружилась низенькая и широкая калитка сплошного чугунного литья, окруженная неровным бордюром из округлых камней. То ли Эуген открыл ее изнутри и разобрал внешнюю часть ограды, то ли просто пожелал того.

Я не стал занимать у моей соседки тонконогую мебель – она могла продавить мягкий пол шатра, да и свои невнятные опасения на её счет я помнил. Выбрал один из моих сундуков с плоской крышкой и перетащил к Эугену за компанию с двумя-тремя ненадеванными туниками, таким же количеством рубах и трико: всё равно лишние. Он взял это безропотно. Он вообще стал меня принимать как нечто должное и предписанное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.